



СПЕЦНАЗ | БЕРИИ

ПОСЛЕДНИЙ ШТОРМ ВОЙНЫ

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ



МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Иллюстрация на обложке *Владимира Нартова*

Тамоников, Александр Александрович.

Т17 Последний шторм войны / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-243690-1

1945 год. Война близится к победному концу. Группа подполковника Максима Шелестова выявляет среди военнопленных морского офицера Бертольда Хофера, имевшего непосредственное отношение к минированию крымского побережья. На допросе немец признается, что после ухода гитлеровцев в Крыму остался отряд диверсантов, готовый в любую минуту совершить подрыв советских объектов. Группа Шелестова выезжает на место, чтобы предотвратить катастрофу. Но в последний момент выясняется, что немецкое командование не доверяло Хоферу и часть проделанной им работы по минированию была отвлекающим маневром. На то, чтобы выяснить точное место и время диверсии, у Максима остаются считанные часы...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Тамоников А.А., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-243690-1

ГЛАВА 1

«Дорогая моя Альма!

Пишу тебе в эти тревожные дни, когда в небе над Германией сгущаются тучи, а в воздухе уже пахнет грозой. Я не мог не поделиться с тобой своими мыслями, хотя знаю, что каждое мое слово сейчас — словно шаг по тонкому льду. Но ты должна понять, что чувствует твой отец и почему сердце мое разрывается от боли за нашу страну и из-за страха перед кончиной нашей нации. Я пишу тебе в надежде, что ты поймешь, что пропасть, в которую стремится Германия, бездонна.

Я видел много войн, Альма. Видел, как гибнут люди, как рушатся империи, как мечты о величии превращаются в пепел. И сейчас я вижу, как Германию ведут к пропасти те, кто ослеплен жаждой власти. Они говорят о мировом господстве, о покорении других народов, но не пони-

мают, что это путь к гибели. Особенно — война с русскими.

Я знаю Россию. Я знаю ее бескрайние просторы, ее суровый климат, ее народ — терпеливый, стойкий, непокорный. Наполеон тоже думал, что сможет сломить их, и чем это кончилось? Разгромом. Разрухой. Позором. И мы, если пойдем по этому пути, повторим его ошибку, то заплатим еще более страшную цену.

Я не могу поддерживать этот безумный марш к войне и подал прошение об отставке, чтобы уединиться в нашем имении в Висмаре. Нацизм, с его ненавистью и высокомерием, ведет нас не к славе, а к катастрофе. Я не хочу, чтобы немецкие матери теряли сыновей, чтобы наши города превращались в руины, чтобы имя Германии стало символом разрушения и горя.

Альма, если со мной что-то случится, помни: я не против своей страны и своего народа, а за их спасение. Я мечтал, чтобы Германия осталась великой не благодаря силе оружия, а благодаря силе разума, чести и человечности.

Береги себя, моя дорогая.

Твой любящий отец,

Георг Лоренц

Август 1939»

Женщина держала перед собой листок бумаги, исписанный ровным аккуратным почерком. Отец был аккуратен всегда и во всем. Это касалось не только его одежды, почерка, порядка в доме. Он был аккуратен в выборе друзей, и поэтому друзей у него почти не было. Отец был аккуратен в выборе жены и поэтому женился очень поздно. Женщина из старой немецкой фамилии тоже долго не могла выйти замуж. Беременность протекала сложно, а потом мать Альмы умерла во время родов, так и не увидев дочери. А дочь так и не увидела своей матери.

«Отец, ты был мне всем, даже матерью. Пусть строгой, но никто и никогда не давал дочери столько тепла и любви, как ты. Но ты умер в одиночестве, меня не было с тобой рядом в этот скорбный и тяжкий для тебя час. Врачи сказали, что ты умер тихо, во сне, и я молю Бога, чтобы так все и было. Как часто мне тебя не хватает, отец...»

Женщина не заметила, как слеза скатилась по ее лицу и упала на лист бумаги.

Шелестов расправил складки гимнастерки под ремнем. Кожаная портупея чуть слышно скрипнула под его пальцами. Новая форма, новые ремни, приятно пахнущие кожей. Странно, зачем Платов приказал группе явиться к нему

в таком виде, включая и орденские планки, и нашивки за ранения. Приказ Платов передал по телефону, а к вечеру группа прибыла в полном составе в хозяйственное управление, чтобы получить новенькое обмундирование. Оперативников удивило то, что им не выдали, как обычно, через окошечко в стене свернутые гимнастерки, бриджи, а пригласили в отдельную комнату.

— Что происходит, ребята? — настороженно спросил Буторин. — Что-то мне это напоминает. Не находите?

— Типун тебе на язык, — буркнул Коган, проходя вдоль стены.

Ничего тревожного Борис не видел. Стулья, столы, на стенах таблицы и плакаты с образцами военной формы Красной Армии: зимняя, летняя, повседневная, парадная, для строя... Собственно, произошедшее дальше и было продолжением этой странной и непривычной процедуры. Женщины в голубых халатах стали выносить и раскладывать на столах тщательно отутюженную форму для каждого из офицеров с уже пришитыми погонами, орденскими планками. Пришлось переодеваться в кабинках за занавесками. Оперативники переглядывались, все еще не понимая странных приготовлений. Объяснения появились, но уже в кабинете нар-

кома, куда Платов повел группу, как только они явились по вызову начальства.

— Вот они, — как-то странно произнес Берия, когда Платов и оперативники вошли в кабинет.

Нарком дочитал какой-то документ и поднял глаза на визитеров. По всему было видно, что мысли Берии сейчас были где-то далеко. Наконец, его внимательный взгляд скользнул по фигурам офицеров. Платов, одетый в военный китель, сделал шаг в сторону, видимо, чтобы не портить впечатления от внешнего вида группы.

— Ну так я и предполагал, — кивнул Берия. — Можете садиться. Тем более что форма на вас должна немного обмяться, а то вы будете на первых порах выглядеть, как манекены из хозяйственного управления.

Оперативники расселись на стульях у стены, выжидающе глядя на наркома. Берия взял со стола остро отточенный карандаш и, поигрывая им между пальцами, откинулся на спинку стула. Взгляд под стеклами очков стал сосредоточенным, жестким. И сразу исчезло ощущение предвкушения чего-то парадного, может быть, праздничного, о чем, грешным делом, оперативники начали подумывать в примерочной хозяйственного управления. Война явно шла к завер-

шению. Не чувствовать этого мог только слепой, глухой или очень глупый человек. Советские войска освобождали Восточную Европу от нацистов, Красная Армия стояла у ворот Берлина, у самого логова гитлеровского режима. Союзные войска подходили с запада к Одеру. Очевидно, Берия снова запланировал какую-то операцию или оперативную комбинацию, и ему срочно понадобилась именно группа Шелестова.

И Берия заговорил как раз о том, что война близка к победному завершению. И о том, что это совершенно не значит, что нужно расслабиться и готовиться почивать на лаврах. Как раз наоборот, сейчас следовало готовиться к еще более сложным и более масштабным тайным битвам. И с секретными службами подышающего рейха, и, как это ни может показаться странным на первых порах, с секретными службами союзников, которые никогда не были на все сто процентов союзниками.

— Я бы назвал их временными попутчиками, — сформулировал эту мысль Берия. — Удобно было ехать в одном трамвае и делать вид, что подсказывают нам нужное направление и хвалят нас же за мастерство управления этим трамваем. Но сейчас не об этом.

Оперативники переглянулись. Лицо Платова, сидевшего рядом, было, как всегда, непро-

нищаемым. И сейчас важным было не выражение лица Платова, а то, что говорил Берия. И о близком завершении войны он завел разговор не зря. Да и сами оперативники уже давно замечают определенные признаки близкой победы и перестройки многих структур государства в соответствии с приближающимися событиями. И они услышали то, о чем уже сами стали догадываться.

— Началось плановое сокращение личного состава Смерша, — сказал нарком. — Это неизбежный процесс, ведь армия уже освободила свою землю и перешла границу. Появился еще один важный и огромный объем работы, которую предстоит проделать и органам контрразведки в том числе. После освобождения территорий, находившихся ранее под пятой немецкого фашизма, Красная Армия освободила множество концентрационных лагерей. Там содержались не только граждане других стран, но и советские военнопленные. Какую-то часть работы по проверке бывших военнопленных удастся делать на местах, но многие возвращаются на Родину, и здесь во временных лагерях идет проверка, мы пытаемся выявить предателей, пособников фашистов, тех, кто запятнал себя преступлениями против собственного народа. С каждым человеком придется разбирать-

ся отдельно. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы бывшие военнопленные попали под одну репрессивную гребенку. Да, позиция партии и правительства, командования Красной Армии остается прежней — боец или командир Красной Армии не имеет права сдаваться врагу. Но надо же и учитывать обстоятельства, при которых человек попал в плен. Да, есть виновные, но нужно разобраться и с теми, кто там, на оккупированной территории, искупил свою вину перед Родиной, смыл кровью позор плена. Вы меня понимаете?

— Так точно, товарищ нарком, — за всех ответил Шелестов. — Вы хотите бросить группу на работу с бывшими военнопленными?

— Это хорошо, что понимаете, — кивнул Берия. — Но не спешите с выводами. Вы получите конкретный приказ, в котором вам будет четко поставлена задача. Это сделает Петр Анатольевич, а я хочу, чтобы вы поняли ситуацию. Мы ждем лавину военнопленных. И чем раньше мы возьмемся за работу, тем будет проще выявить врагов и не дать пострадать невинным. Есть и еще одно направление, которое не менее важно. И вот это направление для вас, здесь вам работать. Это немецкие военнопленные, которые сидят в наших лагерях. У нас есть опасения, что там прячутся, отсиживаются и ждут возвра-

щения на родину под личиной обманутых простых рабочих и служащих матерые разведчики, каратели, эсэсовцы. Есть в лагерях для немецких военнопленных и наших, вернувшихся из плена, вражеская агентура, которая ждет своего часа, чтобы начать действовать...

Когда оперативники вышли от наркома и оказались в кабинете Платова, первым не удержался от вопроса Буторин:

— Петр Анатольевич, а что за фокус такой был сегодня утром в хозчасти? Нам только что губы помадой не красили и проборы на голове не укладывали.

— Это часть плана наркома, — ответил комиссар госбезопасности. — И в этой части я с ним согласен. Вы, появляясь в лагерях для военнопленных, среди наших ли вернувшихся в Советский Союз офицеров, немецких ли пленных, должны выглядеть на сто процентов подтянутыми, аккуратными. С эдаким послевоенным лоском, а не как вчерашние окопники, которые уже забыли, как правильно подшивать подворотнички на гимнастерках. Вы должны внушать уважение и своим внешним видом держать определенную дистанцию. Демонстрировать, что все, теперь наступает другое время, война кончается, и думаем мы уже иными категориями. Психологическая сила образа, внешнего вида.

— Как-то замысловато это все, — пожал плечами Буторин. — Могли бы вообще в таинственность играть в гражданских костюмах, со шляпами и при галстуках.

— Тут ты не прав, Витя, — неожиданно вмешался Сосновский, который с самого утра не проронил ни слова, и товарищи стали подумывать, что у Михаила что-то случилось на личном фронте. — С нашими бывшими военнопленными этот номер не пройдет. Не вызовут твой костюм да шляпа должного уважения и страха. Они в тебе увидят человека, который не нюхал пороха и всю войну кантовался по тылам. А тут с орденскими планками, с нашивками за ранения, весь подтянутый и гладко выбритый. Это уважение, зависть и немного страх. А уж про немцев я вообще молчу. Военная косточка, они же никого всерьез воспринимать не будут, кто военный мундир не носит. Ты хоть на каком угодно правильном немецком языке с ними разговаривай, они тебя не поймут, сугубо гражданского. У них военная каста, а это многое значит.

— Думаю, что с этим вопросом мы разобрались, — прервал диалог Платов. — Теперь перейдем к сути вашего задания. Вы будете одной из многочисленных групп, которые уже начали работу в этом направлении. Направление, пря-

мо скажу, послевоенное, хотя война еще формально не кончилась. Но активизировать эту работу необходимо уже сейчас, а еще лучше начать было ее вчера. Работа с потоком пленных немцев и возвратившихся из плена бойцов и командиров Красной Армии. Увеличение объема работы с населением на ранее оккупированной немецко-фашистскими войсками территории. Все эти факторы требуют усиления агентурно-оперативной и следственной работы.

— Я так понимаю, что нам будет очерчен какой-то географический круг лагерей для работы? — спросил Шелестов.

— Да, я выбрал несколько лагерей, в которых ведется работа следователями и появилась агентурная информация, интересующая именно нас. Я бы рекомендовал вам обращать внимание и на женскую часть этих лагерей. Разумеется, там работают следователи-женщины, но мы вольны нарушать свои же правила. Не торопитесь сразу погружаться с головой в дела конкретных личностей, не ознакомившись с общей обстановкой, настроением людей в этих лагерях. Хотя вы и сами понимаете все нюансы этой работы. Уж вашу-то группу мне учить нечему.

...Лагерь, в который прибыла группа, размещался на месте рабочего поселка неподалеку от Твери. Бараки, в которых до войны жили рабо-

чие, переоборудовали, наспех приспособив под временное содержание большого количества людей. Сломал внутренние перегородки, бараки с выделенными комнатами, рассчитанными на 4—6 человек, теперь превратили в подобие казарм. Собственно, бараки и изначально были приспособлены только под временное размещение людей, возможно, только на летний период. Длинные, низкие, сколоченные из грубо обработанных досок, плохо утепленные. Внутри — двух- или трехъярусные нары с тонким слоем соломы вместо матрасов. Окна зарешечены, многие окна с разбитыми стеклами, и их наспех забили досками.

Шелестов шел по барaku, рассматривая людей, которые в ответ настороженно провожали взглядом незнакомого подполковника. Оперативник обратил внимание на то, что люди жмутся друг к другу. В бараке было холодно, хотя здесь стояли две печки-буржуйки.

— Как часто топят в помещении печки? — спросил Шелестов своего сопровождающего — лейтенанта НКВД из конвойного подразделения.

— По утвержденному расписанию, — бойко ответил лейтенант, — утром в шесть часов и вечером в двадцать один час.

«Да, — подумал Шелестов, — не намного лучше, чем в немецком лагере. В двух пре-

дыдущих лагерях условия содержания бывших военнопленных советских офицеров были намного лучше. Там лагеря были больше похожи на общежития, а здесь... Тусклое освещение запыленными лампочками под потолком, которые и горят-то не всегда, лишь вечерами, создавая только полумрак. О санузле вообще не хотелось думать — выгребная яма во дворе, деревянные уборные с промерзшими дырами. Хотя бы умывальники находились внутри барака, а не на улице — жестяные корыта с ледяной водой».

Снова и снова Шелестов вглядывался в лица людей. Что чувствуют, о чем думают эти люди — бывшие командиры Красной Армии, прошедшие немецкий плен, а теперь оказавшиеся в положении подозреваемых? Страх, злость, отчаяние, обиду? Или уже равнодушие к своей судьбе, нечеловеческую усталость? Ведь никто из этих людей не знает, что с ними будет. Те, кто предал, боятся, что предательство вскроется, те, кто честно служил Родине, боятся, что им не поверят. Одних отпустят, других отправят в штрафбат, третьих — в ГУЛАГ. Даже между собой разговоры осторожные. Шелестов понимал, что все они прошли через ад плена, голод, издевательства, а теперь их допрашивают, как предателей. И теперь у некоторых уже нет сил

бороться. Они видели слишком многое, чтобы верить в скорое освобождение.

Ежедневные многочасовые допросы с пристрастием. Следователи НКВД выясняют, как человек попал в плен, не сотрудничал ли с немцами, не завербован ли ими. Изо дня в день, из недели в неделю, из месяца в месяц эти люди ждут решения своей судьбы. Их вина не доказана, формально они не являются преступниками, но содержат их как преступников и относятся к ним так же. Надо через Платова как-то повлиять на руководство этого лагеря. В других все же не такие нечеловеческие условия. А еще, как выяснилось, этих людей, находящихся в статусе подозреваемых, а не заключенных, могут гонять на тяжелые работы: разгрузку, стройку, лесоповал. Вот вам и общее настроение: гнетущее, мрачное. Люди измождены, многие больны. Одни цепляются за надежду, что их оправдают, другие уже смирились с худшим. Они воевали, страдали, а теперь их считают врагами. Это место, где даже те, кто выжил в фашистском аду, могут сломаться — от безысходности, от страха, от осознания, что Родина им не верит.

Начальника лагеря майора Терехова Шелестов до обеда так и не смог застать в своем кабинете. Дежурный все время ссылаясь на различные дела майора и при разговоре бледнел

перед подполковником из главного управления НКВД. Оставалось надеяться на то, что и Терехов с некоторой опаской может относиться к негоднованию подполковника из Москвы, с самой Лубянской площади. И Шелестов решился рывкнуть как следует на дежурного, чтобы тот срочно вызвал в кабинет майора Терехова.

Начальник лагеря явился через десять минут в грязных сапогах. Плечо его шинели было испачкано в извести, а во взгляде было озабоченное выражение. Майор хотел было отдать честь, как и положено, но ладони у него были тоже в извести и даже в саже. Прикладывать грязную руку к головному убору для отдания чести было, мягко говоря, по армейским законам просто неприлично. Майор вытянулся перед Шелестовым.

— Прошу извинить, товарищ подполковник, я не знал, что вы меня ищете, я думал, что вы прибыли по своему делу и им занимаетесь. Разрешите, я хоть умоюсь, а потом мы побеседуем.

С помощью миловидной помощницы, девушки с сержантскими погонами, он снял шинель и ушел в смежную комнату. Шелестов тоже снял шинель и уселся за приставной стол ожидать Терехова. Закурив, он принялся осматривать кабинет. Стены обшиты струганой рейкой,

стол и стулья явно самодельные, кустарного производства. Но сделаны качественно и даже красиво. Видать, Терехов сюда прибыл из ГУ-ЛАГа и сумел и здесь организовать быт, пользуясь трудом и умением «сидельцев». На стенах, судя по следам и оставшимся гвоздям, совсем недавно что-то висело. То ли украшения, то ли картины, а может, красивое оружие: какие-нибудь сабли, кинжалы, пистолеты.

Вошел Терехов, умытый, причесанный, подтянутый, только какой-то исхудавший, с ввалившимися щеками. Он подошел к двери и крикнул своей помощнице, чтобы принесла чаю, закрыл дверь и уселся за свой стол.

— Не чай нам с вами распивать надо, товарищ майор, а делом заниматься, — недовольно отозвался Шелестов.

Майор странно посмотрел на гостя, окинул взглядом орденские планки, нашивки за ранения, потом глянул на свои наручные часы и с каким-то терпеливым сожалением ответил:

— Ну чаю мы все-таки с вами попьем, товарищ подполковник. Хотя так немного согреемся. Я вот сегодня еще не завтракал, да и обед не предвидится. Так я вас слушаю!

— Согреемся? — прищурился Шелестов. — А вы знаете, какая температура у вас в бараках? Вы знаете, в каких условиях содержатся у вас